

ФИЛОСОФИЯ

Прошлое, настоящее и будущее культа личности в России

В. В. Викторов*

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения культа личности в российской цивилизации, в том числе появление объективных и субъективных условий для формирования культа личности в СССР. После смерти И. В. Сталина культ личности неоднократно восстанавливал многие свои позиции, поскольку советские и постсоветские правители использовали в своей деятельности сталинскую методологию управления страной. По мнению автора, они сохраняются в современной России.

Ключевые слова: авторитаризм; азиатский способ производства; бюрократия; культурно-исторический раскол; культ личности; монархический склад ума; самодержавная власть; силовые структуры; тоталитаризм; «Третий Рим»; элита общества.

Past, Present and Future of the Cult of Personality in Russia

V. V. Viktorov

Abstract. The author reviews the problem of appearance of personality cult in Russian civilization including appearance of subjective and objective conditions for its formation in Russia. After I.V. Stalin's death the cult of personality regained its positions several times as soviet and post-soviet governors used Stalin's methodology of governance of the country in their activity. According to the author's opinion it is fair for modern Russia.

Keywords: authoritarianism; Asian method of productivity; bureaucracy; cultural-historical discord; cult of personality; monarchical mentality; monarchy; power structures; totalitarianism; "The third Rome"; society elite.

Читающие псалмы Давида могут обратить внимание на слова: «Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды?»¹. Создается впечатление, что эти слова обращены ко многим поколениям, в том числе к современным гражданам Российской Федерации. Если попытаться взглянуть на культурно-историческое прошлое России, то приходишь к мысли о своеобразии ее развития. И этот процесс предстает, с одной стороны, как единая цепь событий, звенья которой связаны между собой; с другой стороны, каж-

дое звено выступает как самостоятельное явление, развивающееся по общим законам, но обретающее при этом индивидуальные черты. В каждом звене общей цепи происходили эпохальные события, одни из которых выступали как начальный, другие — как промежуточный, третьи — как окончательный рубеж, завершающий этот процесс.

Каждое звено можно рассматривать как своего рода раскол в общей цепи развития. В зависимости от подходов к оценке событий ученые называют разное количество куль-

*Викторов Вячеслав Викторович — кандидат исторических наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: vvv1210@mail.ru

¹Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1988. Псалтирь, Псалом 93.

турно-исторических «расколов»: принятие православия, феодальная раздробленность, монголо-татарское иго, формирование самодержавной и тоталитарной централизованной власти, раскол Русской Православной Церкви, Петровские преобразования и т. д. Они обрели позитивный и негативный характер, ведя к коренному перерождению российского культурно-исторического типа, его модернизации или могли привести к гибели цивилизации.

Культурно-историческое развитие России предстает как контрастная мозаика событий, которые можно характеризовать как героические и трагические, отмеченные счастьем и горем, смехом и слезами. В их цепи XX столетие занимает особое место со своей чередой сменяющихся контрастных мозаичных событий: революций и контрреволюций, реформ и контрреформ, войнами и периодами мирного развития, борьбой за власть и апатией, перестройками экономики, носившими традиционный и инновационный характер, и стагнацией и т. д. В этой сложной цепи событий особое место заняла эпоха в российской истории, в которой остался кровавый след, названный периодом культа личности И. В. Сталина.

Проблема формирования культа личности перманентно перетекала из эпохи в эпоху, от одного поколения людей к другому. Одних она волновала, у других вызывала удивленное недоумение и чувство равнодушия. Между тем эта проблема — сложная, которая остается далеко до конца не раскрытой и представляет известную опасность для современного поколения.

Философско-исторический анализ советского периода требует взвешенного подхода, ибо скороспелых оценок ученые дали много, выступая нередко как публицисты, а не как исследователи-аналитики. Видимо, потребуются годы для подготовки фундаментальной истории советского периода. Такую тяжелую работу смогут сделать люди, способные отнестись к ней объективно и непредвзято, найти в себе силы противостоять сиюминутным суждениям. Для этого должны быть открыты все архивы, что позволит работать с документами ведомств, к которым ученые до сих пор не допущены.

Возникает вопрос: «Кто же такой И. В. Сталин?» Выскажу предположение, что истинную оценку его деятельности и личности мы узнаем не скоро. Для этого необходимы время, взвешенный и объективный подход к оценке времени его правления. А для этого необходимо новое поколение ученых, не живших в сталинскую эпоху. Тем не менее, часть ученых и российское общество вплотную подходят к пониманию истоков культа личности. На мой взгляд, им является исконно русский подход к управлению Россией, основы которого лежат в азиатском способе производства с авторитарной системой власти. Россией и Советским Союзом всегда правили великие князья, цари, императоры, главы государства и правительства, первые или генеральные секретари КПСС. Все они считали себя непогрешимыми «отцами народа». Одним из таких «отцов народа» был И. В. Сталин.

Тоталитарная власть в России начала складываться со времен Киевской Руси и являлась ничем иным как моделью, вобравшей в себя опыт древневосточных деспотий. Теоретического и практического апогея она достигла в Византийской империи и была воспринята Древней Русью. Император Византии объединял функции «царя-первосвященника» и земного владыки, что позволяло любое противостояние ему рассматривать как неподчинение Богу. В результате императорская власть оказывалась выше власти патриарха, поскольку патриарх владел душами верующих, а император — душами и телами подданных. Освящение власти монарха и придание ей сакрального характера служило кажущимся верным средством безопасности его власти и подчеркивало идеальный характер государственного строя Византии.

Крещение Руси и возведение православия в ранг государственной религии означало принятие идеи самодержавной власти и монархии как формы государственного устройства. При выборе государственной религии киевский князь Владимир остановился на византийском варианте христианстве в силу того, что оно было лояльно и законопослушно императорской власти, а ее законы воспринимались как нравственные нормы. По мнению В. С. Соловьева, «православная церковь принесла

на Русь из православной Византии идею великого князя как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии подвластных народов»².

Таким образом, из Византии на Киевскую Русь пришел восточный тип государя как верховного государственного и духовного владыки, отличный от типа правителя, сформировавшегося в романо-германской цивилизации. Власть правителя ограничивалась только Богом. Будучи отцом и владыкой народа, православный светский владыка оставался сыном церкви. Киевский князь, великий князь Владимирский и Московский, царь Древней Руси и император России, как помазанник Божий, царствовал Божьей милостью и был независим от народа.

Идея божественного происхождения верховной власти способствовала в X–XV вв. становлению великокняжеской, а с XVI столетия — власти царя на Руси. Сложившиеся единое вероучение, культовая практика, семейно-бытовые традиции, общность языка богослужения и многое другое формировали у народов России, исповедующих православие, национально-культурную общность и воспитывали сакральное отношение к главе удела, княжества, государства.

С XV столетия централизованная власть великого князя Московского укрепилась, что позволило уничтожить элементы новгородской демократии, корни которой были заложены еще в период существования Киевской Руси. Хотя в Новгороде Великом фактическая власть находилась в руках новгородского боярства, оно вынуждено было оглядываться на народные низы. Именно на народном собрании (вече) рассматривались основные вопросы управления и жизни города, что являлось элементом демократии, задушенной укреплявшейся самодержавной властью.

После падения «Второго Рима» Русь должна была преемственно продолжать византийские православные и государственные традиции погибшей империи. Если Русская Церковь была порождением Константинопольской па-

триархии, то и Русское государство должно было стать преемственным продолжением Византийской империи. Поэтому не случайно при Иване III начинают формироваться условия для установления самодержавной династической власти, опиравшейся на боярскую аристократию (элиту), православные традиции, получающую развитие приказную систему (государственную бюрократию).

Этот процесс сопровождался укореняющимися византийскими традициями. Первым видимым знаком этой преемственности стало принятие двуглавого орла, бывшего гербом Восточной Римской империи. Продолжением стали принятие титула царя, целование царской руки, появление придворных чинов и т. д. Новые традиции вели к формированию элементов культа (особого почитания) личности великого князя. Сама Русь на рубеже XV–XVI веков начинает называться «Росией», как издревле именовали Русь в Византии, а спустя много лет названием нашей страны стало имя «Россия».

По мнению Н. И. Костомарова, время правления великого князя Ивана III является переломным в русской истории: «Эта эпоха завершает собою все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства»³. Иван III, как считал Костомаров, создал государство «без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию», оно «не могло двигаться вперед на поприще культуры, простояло два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застывшее и закаменелое в своих главных основаниях, представлявших смесь азиатского деспотизма с византийскими, выжившими в свое время преданиями. И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум истинно великого человека — Петра, — не начал пересоздавать его в новое государство уже на иных культурных началах»⁴.

²Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 419.

³Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М., 1990. Кн. I. С. 241.

⁴Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 309.

Хотя власть была уже по своей сути самодержавной, великий князь вынужден был советоваться при принятии важных решений с боярством. И это не случайно, поскольку с конца X в. великие князья правили государством, по словам В. О. Ключевского, с участием «боярского класса», организованного, проникнутого аристократическим духом и привыкшего принимать участие в решении государственных проблем. Политическая значимость бояр основывалась на старинных обычаях (традициях) и статье Судебника 1550 г., подтверждавшего законодательный авторитет Боярской думы.

При Иване III положительный импульс государственной жизни придавала Боярская дума, имевшая черты постоянно действующего государственного аристократического органа с постоянным членством. В это же время создаются первые два приказа (дворцовый и финансовый), количество которых увеличилось, и в итоге была сформирована централизованная система приказов. Таким образом, Московское великое княжество становится централизованным Русским государством во главе с единовластным государем.

Исходные экономические и политические традиции, в основе которых лежали многие элементы «азиатского способа производства», оказывались сильнее вводившихся новых подходов. Накопившихся изменений было недостаточно, чтобы они переросли в коренные качественные и привели к позитивным сдвигам в экономической и политической жизни древнерусского государства.

Древнюю Русь в начале XVI в. стали называть «Третьим Римом» — в соответствии с религиозно-мистической теорией об особом предназначении Российского государства, Русской Православной Церкви и русского народа. В ее основе лежало древнее учение о «странствующих царствах», в христианской традиции восходящее к библейской книге пророка Даниила. Доктрина о Руси как «Третьем Риме» стала «идеологическим базисом образования московского царства, которое

собиралось под символом мессианской идеи о поиске истинного царства». Этот поиск характерен «для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры»⁵.

Эта теория, очень популярная в XVI–XVII вв., обосновывала величие Руси как самостоятельного и в политическом, и в религиозном отношении государства. Так родилась мессианская идея об особой роли московского царства и русского народа, как хранителей и защитников на земле единой, святой, соборной и апостольской церкви, неизменно сохраняющей учение Иисуса Христа, т. е. Православной Христовой Церкви. Русский народ, руководимый иерархами русского православия, исходил из того, что Христос спас душу человеческую и церкви своей завещал спасти народы и все человечество⁶.

Таким образом, с XV в. на Руси формируется так называемая «русская идея». Она сознательно или бессознательно, стихийно или целенаправленно пронизывает деятельность великих князей, царей и российских императоров, русских мыслителей и государственных деятелей, сторонников консервативного, либерального и революционно-радикального направлений развития России. Все они ставили задачу, которую в конце XIX в. высказал В. С. Соловьев: «Усвоивши себе значение третьего Рима, Россия, чтобы не разделить судьбу двух первых, должна была стать на путь действительного улучшения своей национальной жизни — не для того, чтобы завоевать весь мир, а для того, чтобы принести пользу всему миру»⁷. Таким образом, формировавшееся российское самодержавие имело свою идеологию — уникальное и своеобразное явление.

В XV в. произошло событие, оказавшее огромное влияние на дальнейшее развитие Древней Руси и заложившее первые камни в фундамент будущей Российской империи. В то время проступили очертания российского самодержавия, как своеобразного феномена русской православной культуры. Государ-

⁵Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9.

⁶См.: Соловьев В. С. Соч. Т. 1. С. 54.

⁷Соловьев В. С. Соч. Т. 2. С. 577.

ственная власть российской цивилизации основывается на трех элементах: православии, самодержавии, народности. Государственная идеология в России, как правило, облачалась в религиозную, а в советский период — в идеологическую форму. Религиозная опора не исключала использования русскими правителями террора против господствующего сословия (элиты).

Но ни одна власть не может длительное время проводить свою политику вопреки воле господствующего сословия, нарушая определенное соотношение между собой и правящим сословием. Так, авторитет Иван IV как монарха катастрофически падал перед лицом всеобщего недовольства. Царь вынужден был признать провал опричнины (инструмента террора), после ликвидации которой в России воцарились разруха и запустение. Иван Грозный обладал волей и желанием усовершенствовать существовавшую власть, но для этого нужны были не только политическая воля, намерения и цели, но и инструменты реализации и социальная база.

В Смутное время ряды боярства поределели, и в них начали проникать «новые худые люди», не имевшие «фамильных преданий» и опыта участия в решении политических вопросов. В начале царствования Михаила Романова они начали получать высокие чины, хотя сохранившееся местничество сводило на нет заслуги патриотов, спасших Россию от иноземного вторжения. Так, нижегородский мясной торговец Кузьма Минин, хотя и стал думным дворянином, но никакой политической роли, несмотря на огромные заслуги, не играл. По этой же причине не были оценены заслуги князя Дмитрия Пожарского, который, по мнению боярской аристократии, был слишком худороден, чтобы занимать высокие государственные должности.

Тем не менее государи новой династии начали править при содействии и участии «новых лиц», становившихся проводниками нового политического понимания роли власти и проводимой ею новой политики. Однако они еще не сумели пробить замкнутую цепь фа-

мильного боярства, сложную сеть должностных и генеалогических отношений, плотно окружавших царский трон. Этот заслон не мог преодолеть царь Федор Алексеевич, отменивший местничество, а окончательно его разрушит только Петр Великий. Хотя корни его оказались настолько живучи, что сохраняют свою суть под различными ликами вплоть до начала XXI столетия.

В середине XIX столетия, когда Запад содрогался от европейских революций, Российская империя продолжала стоять незыблемо. «Вы думаете, быть может, что нам угрожает революция на манер западноевропейских, — вопрошал П. Я. Чаадаев, — успокойтесь, слава Богу, не к этому идет дело. Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли прийти к одинаковым результатам. К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно нерушимое, а именно его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет... Установленная власть для него священна... Всякий государь, каков бы он ни был, для него батюшка»⁸.

Батюшками называли и великих князей, и царей, и императоров. Таково было традиционное отношение народа к правителям на Руси, отношение «детей» к «отцам». Россия была страной с традиционно самодержавным правлением и народом, примирившимся с такой формой и методами правления. У подавляющей части российских подданных сформировался монархический склад ума.

Восстание декабристов поколебало сакральный образ российского императора в глазах передовой части дворянского общества. Подавив его, Николай I четко уяснил основную задачу своего царствования — сохранять и укреплять существующий строй. По его мнению, для осуществления этой задачи следовало «всего лишь» навести порядок, отладить работу самодержавно-бюрократического механизма так, чтобы он действовал без перебоев. И цели, казалось бы, ставились благородные: изжить всякую непоследовательность в организации системы управления,

⁸Чаадаев П. Я. Соч. М., 1989. С. 200, 201.

придать ей стройность и целесообразность, покончить со злоупотреблениями, добиться на всех уровнях максимальной исполнительности.

По мнению французского роялиста маркиза Астальфа де Кюстина, в управлении Россией царь опирался на дворянство и чиновничество. В имениях роль деревенских самодержцев выполняли помещики, смеявшиеся над взяточничеством в правительстве, но позволявшие себе всевозможные злоупотребления, «потому что всеобщее взяточничество сводит на нет местные власти»⁹. Таким образом, в годы царствования Николая I была заложена российская административно-бюрократическая система.

Так что социалистическая административно-командная система возникла не на пустом месте и представляла опасность для самой системы. Не случайно В. И. Ленин предупреждал, что «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито»¹⁰. А в письме Г. Я. Сокольникову написал: «Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это»¹¹.

Министр народного просвещения С. С. Уваров сформулировал к началу 1830-х гг. теорию «официальной народности», построенную на принципах «православия, самодержавия и народности». Это были официально принятая система взглядов в области просвещения, науки и литературы в период царствования Николая I и реакция на выступление декабристов. Так, в XIX в. принцип божественности российского централизованного государства вылился в доктрину «Православие. Самодержавие. Народность» и в формулу-девиз «За Веру, Царя и Отечество». Эту доктрину нередко рассматривают как попытку создания государственной идеологии, основанной на идеях

православия, самодержавия и их единства с народом.

В триаде «Православие. Самодержавие. Народность» первые два элемента давно слились воедино и были восприняты привилегированными и податными сословиями. Что касается «Народности», то ее понимали нередко с позиций сословия: даже передовое дворянство ставило «Самодержавие» выше «Народности», придавая первому сакральный характер. Так, А. С. Пушкин полагал, что царю не следует общаться с народом. Он записал в дневнике: «Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни карточью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем... Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражений. Таковые разговоры неприличны; а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя»¹².

Идея сакрального образа российского императора сохранилась вплоть до начала XX столетия. Об этом свидетельствует восприятие образа обожаемого монарха в многочисленных воспоминаниях, оставленных государственными и общественными деятелями, не говоря уже о газетных и журнальных публикациях консервативной ориентации. Авторы продолжали обожествлять образ монарха, и он предстает личностью, обладающей характером правителя, способного вершить судьбами не только России, но и мира.

Сакральный образ правителя формировался в древнерусской литературе, начиная со второй половины XV в., став в итоге традицией. С этого времени прослеживается идея возвышения персональной власти правителя Руси. Иван III стал предшественником и Ивана Грозного, и Петра Великого, и Александра II, и других российских царей и императоров.

⁹Кюстин А. де. Николаевская Россия / Пер. с фр. М., 1990. С. 268.

¹⁰Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

¹¹Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 54. С. 180.

¹²Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 7. С. 266.

В это же время формируется традиция установления контактов с Западом. Иван III первым из российских правителей вышел на тесные с ним контакты, сделал нашу страну известной Европе (в большой степени благодаря браку с Софьей Палеолог) настолько, что она смогла включиться в ее общую государственную систему. В годы его правления Русь смело заимствовала достижения более образованной Европы, приглашая специалистов из Италии.

Тем не менее династия Рюриковичей, не добившись единоличной абсолютной власти, исчерпала себя и пала. В немалой степени в этом повинен неумеренный и преждевременный авторитаризм Ивана IV, который не сумел учесть многих особенностей роли и места правителя полиэтнического и поликонфессионального государства, большого по размерам и численности населения. Он не учел, что авторитарное правление требует опоры правителя на элиту, потому что правитель вынужден придерживаться и подчиняться интересам и правилам выдвинувшей или поддерживающей его элиты, а позднее и бюрократии. Нарушение этих правил или отстранение элиты и бюрократии от участия в управлении может привести к ослаблению или даже потере власти. Это произошло с Павлом I, Николаем II, Н. С. Хрущевым, М. С. Горбачевым, которые потеряли имевшуюся у них власть из-за конфликта с элитой общества и бюрократией.

Идея абсолютной власти была подхвачена первыми царями династии Романовых. По мнению Н. И. Костомарова, период правления царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича стал временем «господства приказного люда, расширения письмоводства, бессилия закона, пустосвятства, повсеместного обдирательства работающего народа, всеобщего обмана, побегов, разбоев и бунтов. Самодержавная власть была на самом деле малосамодержавная: все исходило от бояр и дьяков, ставших во главе управления и в приближении к царю; царь часто делал в угоду другим то, чего не хотел, чем объясняется то явление, что при государях, несомненно, честных и добродушных, народ вовсе не благоденствовал»¹³.

Если первому царю из династии Романовых было не до придания внешнего блеска царственной особе, то в годы правления царя Алексея Михайловича происходит возвращение к внешнему византийскому великолепию самодержца. Царь дорожил своей властью, подчеркивал свое самодержавное достоинство, гордясь своими титулами. Он готов был пролить кровь за малейшее несоблюдение правильности титулования, что приравнивалось к уголовному преступлению¹⁴.

Соборное уложение 1649 г. впервые узаконило права государственной власти. Им было установлено наказание за измену, организацию заговора против государя, за бесчинства, совершаемые на государевом дворе. Еще во времена царствования Михаила Федоровича появилась система политического сыска, именовавшаяся «дело и слово государево». Причем каждый подданный под страхом смерти был обязан донести об известных ему умыслах против царя или членов его семьи, оскорблении царского имени и титула, о государственной измене.

В 1654 г. была создана собственная канцелярия царя — Приказ тайных дел, контролировавший деятельность государственных учреждений, ведавший делами о политических преступлениях и положивший начало тайной государственной службе, к которой допускались особо доверенные царю лица. Помимо сысканой деятельности Приказ занимался и рядом экономических проблем (организовывал поиск руд, содействовал открытию мануфактур, управлял дворцовыми владениями и др.).

Помня о мятежах, изменах, народных восстаниях (а их в годы правления Алексея Михайловича было достаточно много), царь стал реже являться народу, ездить в сопровождении вооруженной охраны. Под постоянной охраной находилось царское жилище. В большом ходу стали доносы, а по стране процветало шпионство, в котором принимали участие дворяне и подьячие.

Таким образом, персона царя ограждалась не только авторитетом РПЦ и силой закона,

¹³Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. С. 459.

¹⁴Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 2. С. 101.

но и специальной службой. Царь Алексей Михайлович вплотную подошел к созданию тоталитарной системы и осознанию, как и некоторые близкие к нему придворные, необходимости реформирования России.

Несмотря на некоторые шаги по реформированию России, она продолжала оставаться, по сравнению с Западом, отсталой страной. К сожалению, далеко не вся правящая российская элита это поняла, кичась по-прежнему своей традиционностью, обрядовым благочестием в церковной и светской жизни, концепцией «Третьего Рима» и «Нового Иерусалима». Страна нуждалась в личности, которая могла бы, используя самодержавную власть, коренным образом перестроить российскую цивилизацию с учетом достижений и новшеств, выработанных передовой частью общества. России нужна была модернизация всех сторон столь могучей по своему потенциалу общности. Она произошла на стыке XVII-XVIII вв.

На российском троне, наконец-то, оказался царь, способный пойти на коренное преобразование страны. Это была сверхличность, обладающая могучим умом и талантом, особым даром предвидения, ниспосланная стране и ее народу Господом Богом. Всестороннее реформирование или модернизация российской цивилизации к тому времени стали насущной и объективной необходимостью, без которых страна продолжала бы отставать в своем развитии от более экономически, политически и культурно развитого Запада.

Россия не могла продолжать движение по прежнему пути развития, который вел ее к дальнейшей стагнации и гибели. Приход к власти правителя, понимавшего сложность ситуации и обладавшего гигантской самодержавной политической волей, историческим видением настоящего и будущего, любившего Родину, наполненного чувством боли и ответственности за ее судьбу, стало первым толчком к проведению преобразований, невиданных по размаху и масштабам. Однако, реформируя Россию, Петр Великий проявил себя также как личность, которой в известной степени было чуждо чувство бережного отношения к традициям великорусской нации.

По отношению к противникам реформ он был беспощаден.

Видимо, мы должны согласиться с Н. И. Костомаровым, писавшим, что «только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания... Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное от предков»¹⁵.

Таким образом, русский царь, опираясь на малочисленную группу российских сподвижников и на иностранцев, проделал работу, изменившую судьбу страны, вырвавшую с корнем традиционно старую и во многом отжившую систему. Это был тот редкий случай, когда со старым можно было покончить, используя самодержавную власть, ломая, не задумываясь, старое и насаждая насильственно новое, но во многом чуждое российскому менталитету. Именно поэтому Петровские преобразования не были близки русскому мужику — основе Российского государства.

В результате модернизации российской цивилизации по инициативе царя-реформатора были созданы условия для промышленного развития и торговли, создания регулярной Армии и Флота, грозных для чужеземцев, перестройки системы управления страной, церковных отношений, для развития образования, просвещения, светской культуры и т. д. Таковы результаты успешной модернизации российской цивилизации, второй после введения христианства на Руси.

Если бы ближайшие преемники первого российского императора последовали примеру Петра Великого, то, вне сомнения, российская цивилизация могла бы стать для мира действительно «Третьим Римом» и «Новым Иерусалимом». Однако далеко не всегда талантливые реформаторы оставляют подобных себе наследников. И только, пожалуй, представительница захудалого германского рода, полюбившая Россию, осмелилась продолжить деятельность Петра Великого, за что вошла в историю Российского государства как Екатерина Великая.

При Петре Великом формируется культ личности императора, который в своей де-

¹⁵Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 3. С. 781.

тельности опирался на придворные круги (элита), дворянский в своей основе офицерский корпус Армии и Флота (силовые структуры), купечество, появившийся слой промышленников, состоятельные слои городского населения. При принятии решений Петр I советовался с придворными кругами, но окончательное решение принимал единолично сам, не неся никакой ответственности ни перед своим ближайшим окружением, ни перед народом.

Парадокс истории: две личности в истории России — император Петр Великий и императрица Екатерина Великая, — исконный русский и исконная немка, обладавшие неограниченной властью, своевольно и деспотично осмелились вести «российский корабль» по новому пути, создавая новую Россию. При этом они создали собственный и небывалый культ личности — деспотичный и своевольный. Но при этом они использовали свою самодержавную власть во имя вывода страны на передовые рубежи, заставив Запад считаться с цивилизацией, стоящей на стыке Европы и Азии, Запада и Востока.

Практическая деятельность императорской фамилии была направлена прежде всего на сохранение власти, которую она могла потерять. Действительно, если бы их перестала поддерживать элита и бюрократия, профессионально помогавшая государю-императору осуществлять руководство государством, это привело бы к падению династии, что произошло в 1917 г.

С падением российской императорской власти идея установления личной персональной власти не исчезает у руководителей советского государства. Именно с ней связано появление личной персональной, а по сути дела, единоличной (самодержавной и тиранической) власти И. В. Сталина, когда на рубеже 20-30-х гг. сформировались условия для формирования культа личности советского правителя. Во имя выполнения поставленной правящей партией цели — построения социализма в одной отдельно взятой стране — он использовал, опираясь на поддержку ближайшего окружения и сформированный им партийный, советский, государственный аппарат, карательные органы, все способы подавления

инакомыслия или сомнения в правоте принятых им решений.

При этом законодательные органы власти в силу ряда причин приобретали фиктивный характер, поскольку их состав по сути дела формировал аппарат управления из числа членов правящей партии или беспартийных граждан, поддерживавших теорию и практику правящей партии. Законодательные органы страны послушно принимали разработанные партийной, советской и государственной бюрократией законы, предварительно рассмотренные и одобренные высшей выборной партийной бюрократией — Политбюро и Секретариат ЦК в Центре — и партийными бюро на Периферии.

В советский период идея личной персональной власти, прикрываемая коллективной безответственностью, сохранилась. Это было характерно для управления страной практически всеми руководителями, избравшимися государственными и партийными (коммунистическими) структурами власти. Единственное исключение можно сделать для председателя СНК РСФСР В. И. Ленина, хотя и он в последние годы своей жизни воспринимался как единовластный руководитель и признанный авторитет.

Существовавшие органы, структуры и общественные организации (народный контроль, партийно-государственный контроль, ревизионные комиссии, правления творческих союзов и др.) чувствовали над собой контроль сверху. Этот контроль осуществляло первое лицо в партийной иерархии, которому без оговорок, как правило, подчинялись его «соратники» по Политбюро и Секретариату ЦК КПСС (ВКПб). Поэтому дозволенность руководящих и контролировавших органов в Центре и на Периферии могла доходить до определенных пределов, переступать которые было рискованно. У них было ярко выраженное чувство боязни повредить собственному карьерному восхождению на более высокий властный пост, на который его продвигала система.

Несмотря на «дозированность» критики, осмотрительность и осторожность партийных и советских функционеров, их могли подстергать самые неожиданные неприятности,

спастись от которых было крайне трудно. Хотя партийно-советская система власти ограждала от «неприятностей» свою бюрократию, она не прощала им ошибок и просчетов, которые наносили вред партийной и советской общественной системе.

Соккрытие недостатков подтачивало мощную и организованную систему властных структур, что очень хорошо понимала КПСС, для чего она имела свой карательный орган — Комиссию партийного контроля. Тем не менее первые избранные лица в КПСС (самых различных уровней) чувствовали себя в достаточной степени защищенными сверху, что нередко вело с их стороны к самому настоящему самодержавному произволу.

На страже охраны советско-партийной системы и ее интересов стояла правящая элита в лице мощного партийного и государственного аппарата, которая держала под своим контролем все структуры. В 70-х гг. XX столетия негативным явлением в СССР стала неподконтрольность значительного числа руководителей широким массам населения, поскольку они были под защитой системы (Политбюро, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров, широко используемого «телефонного права» и т. д.). Попытки реформирования этой системы Съездом народных депутатов и XIX Всесоюзной конференции КПСС были негативно встречены значительной частью правящей элиты и бюрократией. И даже после событий лета 1991 г., когда советской системе и был нанесен смертельный удар, они устояли и быстро приспособились к либерально-демократической власти.

Пришедшие к власти после распада СССР либерал-демократы «новой волны» попали в те же российские бюрократические сети, в которых оказалась советская власть. Бессистемность преобразований привела к системному кризису, а «под видом прощания с тоталитаризмом сокрушена была не советская — русская история... Русский народ — основатель и стержень российской государственности — был насильственно расчленен... Россия оказалась в конце XX века на перепутье, напо-

минающем ее судьбу в начале столетия»¹⁶. 25 млн. русских не по своей воле оказались вне России.

Нельзя назвать случайностью, что Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 г., предоставила Президенту России неограниченные полномочия (ими обладали только российские цари и императоры). Поэтому она создала реальные возможности для установления персональной и никем не контролируемой власти. Единственным ограничением остается срок полномочий, но и он при Конституции 1993 г. может быть под любым антиконституционным предлогом продлен.

Большим препятствием для подлинной демократизации российского общества был и остается культ личности правителя России, который в силу своей традиционности никогда не преодолевался. Устои российской самодержавной власти продолжают сохраняться благодаря своеобразному российскому менталитету, который не может существовать без сильной личности и личной персональной власти.

Отсюда можно сделать важный вывод о том, что на протяжении XX столетия сильной личности и личной персональной власти во многом содействовали бюрократический аппарат и средства массовой информации, верные и проверенные помощники правящей элиты и верховной власти. Оба эти инструмента потеряют свое всеисилие только в условиях полной демократии и законности, сформировавшегося правового государства и гражданского общества, которые придут на смену волюнтаризму и деспотии. До тех пор пока законы будут рождаться в недрах аппаратных структур, будет существовать многовековая российская тоталитарная система власти, охраняемая и ограждаемая Конституцией РФ, подзаконными актами, СМИ и бюрократия будут преданно служить друг другу. Создатели законов (от бюрократов до депутатов) не пойдут на самоуничтожение, а сами депутаты будут продолжать быстро обюрокрачиваться.

¹⁶Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 12, 13.

Единственным советским руководителем Государства и Партии с ярко выраженными самодержавными чертами был И. В. Сталин. Он в XX столетии оказался одним из немногих советских правителей, неуклонно стремившимся к повышению роли и авторитета страны на международной арене. Но методы достижения поставленных им целей были аналогичны тоталитарным действиям Ивана IV или Петра I. Во время правления Сталина страна добилась не только выдающихся успехов, но понесла по его вине неимоверные потери в годы культа личности и в Великой Отечественной войне.

Куль личности правителей России в силу своего традиционного характера никогда не преодолевался. Устои российской самодержавной власти продолжают сохраняться благодаря своеобразному российскому менталитету, бюрократическому аппарату, сакрализации личности правителя, охраняемой средствами массовой информации и верно-подданнически настроенной интеллигенции. К сожалению, тоталитарный характер власти в СССР, а потом в Российской Федерации, сохраняется, поскольку при сломе советской системы либеральные демократы использовали сталинские методы — насилие и игнорирование интересов работающих и проживающих в стране граждан. Это стало возможно, видимо, потому что не все мои сограждане желают знать горькую правду о недавнем прошлом и делать из него выводы.

Трем российским правителям (киевскому великому князю Владимиру, Петру Великому и И. В. Сталину) удавалось модернизировать российскую цивилизацию, выводить ее на ведущие позиции в мире. Для этого им были необходимы последовательность, глубина замыслов и стремление к достижению поставленных целей, каковыми обладали великий князь киевский Владимир, Петр Великий и И. В. Сталин. Но при этом они не всегда учитывали цену преобразований. Екатерине Великой и Александру II удалось осуществить частичную модернизацию российской цивилизации.

При этом решаемые императорами проблемы модернизации имели различные цели, задачи и последствия. Петр I и Екатерина II во главу угла переустройства России ставили задачу укрепления могущества и авторитета империи. Но при этом они заботились прежде всего об укреплении собственной самодержавной власти и крепостного строя. В конечном итоге, слепо и бездумно продолжая их политику и практику управления страной, их последователи привели Россию не только к поражению в Крымской войне, но и к социально-экономической катастрофе.

В отличие от своих предшественников Александр II был близок к осуществлению системной эволюционной модернизации России, и если бы не его трагическая гибель, страна могла превратиться в одно из самых передовых и развитых в мире государств. И хотя для истории не типично сослагательное наклонение, но можно предположить другой путь развития страны. Если бы императоры Александр III и Николай II продолжили начатую отцом и дедом модернизацию страны, Россия могла бы избежать революций и контрреволюций в XX столетии и продолжала свое эволюционное прогрессивное развитие.

Современные правители России, используя предоставленную им Конституцией власть, пытаются придать экономике инновационный характер, общество сделать гражданским, правовым и демократическим. Тем самым они пытаются ликвидировать условия для формирования культа личности в России с авторитарной системой власти. Но при этом они не должны забывать уроков историко-культурного прошлого, помнить о человеке, во имя которого проводится экономическое и социально-политическое реформирование страны. Помнить, что именно человеческая жизнь обесценивалась и во время петровских преобразований, и в сталинский период построения основ социализма.

Литература:

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М., 19902. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Псалтирь, Псалом 93. – М., 1988.
2. Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. / В. С. Соловьев. – М., 1989. – Т. 1.

3. *Костомаров, Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн.: репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. / Н. И. Костомаров. – М., 1990. – Кн. 1.
4. *Костомаров, Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн.: репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. / Н. И. Костомаров. – М., 1990. – Кн. 2.
5. *Костомаров, Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн.: репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. / Н. И. Костомаров. – М., 1990. – Кн. 3.
6. *Кюстин, А. де.* Николаевская Россия / пер. с фр. // А. де Кюстин. – М., 1990.
7. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 45.
8. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 54.
9. *Нарочницкая, Н. А.* Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – М., 2003.
10. *Пушкин, А. С.* Собр. соч. / А. С. Пушкин. – Т. 7.
11. *Соловьев, В. С.* Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. – М., 1989. – Т. 2.
12. *Чаадаев, П. Я.* Соч. / П. Я. Чаадаев. – М., 1989.